

Программа "Времечко" — передача неполитическая. Официоза там быть не может — такова идея передачи. А значит, и ведущие во "Времечке" другие: неофициальные, почти домашние. Да и карьера их нетипична для обычных телевизионщиков. Андрей Максимов — яркое тому подтверждение.

"Машинистка" из мертвецкой

— Когда мне было 15 лет, я хотел стать либо дрессировщиком, либо писателем. В идеале хотелось быть, как Дуров: дрессировать животных, а потом писать об этом книги. Но я быстро понял, что профессия дрессировщика очень сложная, поэтому такой вариант отпал сам собой. А в Литературный институт мне категорически запретил поступать отец. На филфак мне тоже было не поступить: я учился плохо, был троечником. И оставалась только одна возможность — факультет журналистики. И поэтому я решил пойти в Школу юного журналиста. Юрию Щекочихину понравилось мое сочинение, которое я писал при поступлении туда, и он опубликовал его в "Комсомолке" в "Алом парусе". Вот так я в неполные 15 лет попал в "Комсомольскую правду".

Поступил на журфак, продолжал писать в "Комсомолку" и устроился работать в морге...

— Если можно, об этом, пожалуйста, поподробнее...

— Я хотел научиться печатать на машинке, но просто учиться я не могу. Решил пойти в суд, работать там секретарем. Но в суде на машинках не печатают — ее стук отвлекает заседателей. И мне посоветовали пойти в морг, чтобы печатать акты судебной экспертизы. Примерно 50 актов в день, так что на машинке я печатать научился быстро. Печатал фразы типа "Голова представлена отдельно". Но через год этой работы я понял, что количество ужасов, сваливающихся на мою душу, превышает допустимые пределы.

После морга я работал в журнале "Пионер", вел рубрику "Учение — твой главный труд". Напротив меня сидел Петр Мамонов, известный ныне рок-певец, его рубрика называлась "Всесоюзный штаб Тимура".

А потом все-таки вернулся в "Комсомольскую правду". Затем ушел в "Собеседник". Но я же хотел быть писателем, поэтому все время писал: сказки, рассказы, пьесы. У меня вышло пять книг. Скоро выходит шестая — "Любовные игры на свежем воздухе" — повести и пьесы о любви.

Легенда о 300 публикациях

— Но журналистику вы все-таки любили... Иначе чем объяснить дивную историю о том, как у вас в 300 номерах "Комсомолки" было опубликовано 300 материалов?

— 300 материалов? Думаю, это преувеличение. Дело в том, что когда я пришел в "Комсомолку", то отдел культуры набирали заново. И там одно время работали два человека: Юра Филинов, который занимался музыкой, и я. Я был аккредитован на фестивале молодежи и студентов в Москве и писал

Двойная жизнь Андрея Максимова

В детстве ведущий "Времечка" хотел стать дрессировщиком

каждый день по полосе. Так что, наверное, было довольно много публикаций — я не считал. 300 или меньше — не буду опровергать легенду.

— В общем, писать вы всегда любили. Не обидно ли теперь заниматься "телеговорицей"?

— А я писать никогда не прекращал. В Театре на Покровке Сергей Арцыбашев репетирует мою новую пьесу "Пастух", про встречу Ленина с Дьяволом. В конце года у меня вышел спектакль "Больные люди с добрыми глазами" в Санкт-Петербургском театре сатиры. Выходят книжки. Если бы я перестал заниматься тем, что связано с театром, с литературой, — это было бы неправильно. У меня есть и книжки, которые написаны, но еще не изданы — не могу найти издателя. В общем, как я уже говорил, существуют две жизни.

— Обычно телевизионщики жалуются, что ни на что, кроме телевидения, у них не хватает времени...

— Это неправда. Дело в том, что, как только ты появляешься на телевидении, все остальное начинает казаться незначимым. Тебя видят миллионы людей, а вот в Театре на Покровке около ста мест. Но для себя я решил: в жизни количество не очень важно, качество важнее.

Телекарьера началась в ресторане

— А вы любите себя на экране?

— Ненавижу. Я никогда себя не записываю. Знаете, у меня есть знакомый ведущий, который всегда себя записывает, смотрит потом и хохочет собственным шуткам. Я не понимаю, как можно любить себя "в телевизоре". Кира Александровна Прошутинская говорит, что у телеведущих-мужчин начинают вырабатываться женские гормоны и рано или поздно начинают проявляться нечетко женское. Это очень точно сказано — и очень опасно для ведущего. Хотелось бы этого избежать.

— Но невзирая на эти "опасности" вы все-таки решились стать телеведущим?

— Собственно, ничего я не решил. В какой-то момент думал вообще завязать с журналистикой. Но хотелось уйти красиво, и на радиостанции "Эхо Москвы" я

стал делать программу "Диалоги о любви" — это когда известные люди, политики, бизнесмены, журналисты и т. д. говорят только про любовь. И однажды мы пригласили на эту программу Льва Юрьевича Новоженнова. Он "отговорил", а после программы, в 11 часов вечера, спросил, какие у меня дальнейшие планы. Я ответил, что никаких планов у меня нет, и тогда он сказал: "Пойдемте в ресторан". И тут моя жена Лариса Усова сыграла в моей судьбе решающую роль — в момент, когда я стал думать, идти или нет, она меня подтолкнула: "Пошли, почему нет?" В 4 утра Лев Юрьевич спросил меня, не хочу ли я пойти работать на Авторское телевидение. Так как в ресторане мы, понятное дело, выпивали, то я был уверен, что наутро он забудет об этом. И ничего подобного! На следующий день он мне позвонил, и так я пришел на ATV.

Месяца полтора я туда ходил, присматривался, а потом Новоженнов сказал: "Не хотите ли попробовать вести "Времечко"? Я сказал: "Конечно, хочу". — "Значит, сегодня вечером в костюме и в галстуке приходите к эфиру". А у меня ни костюма, ни галстука никогда не было — ну не носил я их. И мы с Ларисой поехали в магазин... Спасибо Гайдару, теперь купить можно все. Мы выбрали костюм и галстук, я пришел попробоваться, и пробы мои понравились Анатолию Малкину, президенту телекомпания ATV, которого я сейчас могу называть главным своим телевизионным учителем. Сначала я говорил в начале передачи: "Сегодня вы не узнаете, что..." Потом началось "Большое времечко" на НТВ, я был главным редактором этой передачи и ведущим. Потом "Ночные беседы" на НТВ, где тоже надо было брать интервью. Потом Новоженнов ушел на НТВ делать "Сегоднячко", а мы переместились на "ТВ-Центр". Может, еще что-нибудь произойдет. Моя телевизионная карьера от меня совершенно не зависит. Мне предоставляли возможности, которые я старался использовать.

— Вам нравится вести "Времечко"?

— Конечно, иначе я бы этого не делал. На самом деле мне очень нравится приходить на работу. Авторское телевидение — это свой дом и в прямом и в переносном

смысле. Ведь ATV находится не в Останкине, это особняк в центре Москвы.

Стать телезвездой хочет не каждый

— А как вы выбираете людей, которые приходят к вам на ночной эфир?

— Знаете, я приглашаю тех людей, с которыми мне интересно разговаривать. Главное — это понимать, что ты хочешь узнать о своем герое, зачем ты с ним вообще разговариваешь. Во "Времечке", конечно, есть определенные принципы подбора собеседников. Например, если я веду в неделю три ночных эфира, то один из собеседников — суперзвезда, другой должен быть связан с происходящими событиями в стране, а третий — философ, мудрец, с которым можно говорить о смысле жизни. Не всегда это получается в силу самых разных причин.

— Все ваши беседы идут в прямом эфире. А вы не боитесь, что ваш гость окажется неинтересным, будет говорить

не то, что бы вам хотелось услышать, или вообще будет молчать?

— Во-первых, моя задача и состоит в том, чтобы разговаривать с собеседником. Это трудно. Хотя у меня тут есть своя система, которой я стараюсь поделиться со студентами Независимой школы кино и телевидения. Например, тягело было с Константином Кинчевым. Я в итоге у него напрямую спросил: "Костя, а вам что, неохота со мной разговаривать?" Он честно ответил: "Нет, неохота". — "А зачем пришли?" — "Ну, у меня же диск вышел. Продюсер сказал, надо рекламировать". Бывает иногда, что человек хочет тебе отвечать, но у него не очень получается. Здесь всегда можно помочь, подсказать нужные слова. За два года работы в эфире у меня был лишь один случай, когда мой собеседник, сатирик Михаил Задорнов, отказался прийти во второй раз. Я так и не понял, чем я его обидел. Но что-то ему не понравилось.

Иногда со мной не хотят общаться ученые, врачи — не их, мол, дело. Для меня это, кстати, было открытием — я всегда думал, что каждый человек просто мечтает появиться на телеэкране, чтобы прославиться. А очень многие люди, оказываясь, на телевидение вообще не хотят.

— И все-таки: вам никогда не бывает страшно в прямом эфире?

— Всегда страшно. Страшно, что ты задашь человеку все подготовленные вопросы, он на них очень кратко ответит, и вам больше не о чем будет говорить. Страшно, когда начинаешь думать, что вдруг ты неудачно пошутишь или скажешь какую-нибудь глупость. Но все это вопрос опыта и хорошей подготовки. Здесь мне помогают редакторы: Тамерлан Бахарчиев, который занимается всеми оргвопросами, и моя жена Лариса Усова, с которой мы продумываем эфир и которая готовит весь материал по моему собеседнику. Но иногда бывает так, что я предполагаю говорить про одно, а человек хочет рассказать совсем о других вещах.

Бриться? Стричься? Ни за что!

— Андрей, а ваш облик — борода, длинные волосы — создан специально для телевидения,

чтобы отличаться от других ведущих?

— Бороду я отпустил потому, что не понимаю, как можно каждый день бриться. От этого же можно сойти с ума! Длинные волосы — от моей нелюбви к парикмахерским. Мне очень неуютно, когда чужой человек ко мне прикасается. Но к телевидению это не имеет никакого отношения — мне и моей жене просто так нравится. А на телевидении оказалось — то, что всегда было моим внешним видом, теперь называется имиджем. Но имидж — это еще и поведение, тому, как вести себя перед камерой, меня учил и продолжает учить Анатолий Малкин.

Театр — любовь моя

— Широкой публике вы все-таки известны именно как ведущий "Времечка". Но театру вы тоже посвящаете много времени...

— Последняя моя премьера — постановка Санкт-Петербургского театра сатиры "Больные люди с добрыми глазами". Это комедия про нашу с вами жизнь, для меня не очень типичная: мне больше нравятся притчи, не привязанные напрямую к сегодняшнему дню. А еще я очень хочу начать ставить спектакли сам — может быть, попробую поставить второй вариант моей пьесы "Кладбищенский ангел" (первый вариант шел на малой сцене московского "Ленкома").

— Вы хотите собрать свою антрепризу?

— Нет, ни в коем случае! Я на это не способен. Либо мне нужно прийти в нормальный театр и там поработать, либо найти продюсера, который захочет это воплотить. Вариант, при котором я сам собираю артистов, ищу деньги, площадки, абсолютно невозможен. У меня другое устройство головы — я не могу заниматься бизнесом.

— У вас всегда все так замечательно складывалось?

— Прежде чем я попал на телевидение и что-то начало получаться, был период, когда у меня не выходило ничего. "Обломилось" 7 или 8 театральных проскотов: я договаривался о постановке спектакля, а в театре кончались деньги, я начинал репетировать, а артисты ссорились между собой, мою пьесу брали в театр, а режиссер уходил оттуда. Если бы я был склонен к пьянству, то, наверное, запил бы. Сейчас ситуация постепенно улучшается, хотя места для собственной постановки пока найти не могу.

12 обезьян и другие четвероногие

— Как я понимаю, сбылись почти все ваши мечты: вас узнают на улице, вы писатель, театральный режиссер. Вот только дрессировщика из вас не получилось. В память о несбывшейся мечте вы собираете коллекцию игрушечных обезьян?

— Да нет, эта коллекция возникла совершенно случайно. Когда в 1991 году мы с Ларисой познакомились, я ей начал дарить обезьян. И теперь это превратилось в настоящую страсть: из всех городов, где мы бываем, обязательно тащим по обезьянке, это как добрая примета. А от желания стать дрессировщиком осталась любовь к животным: у меня живут кот и собака.

— И как, дрессуре поддаются?

— Да они и так очень умные. Собака вообще уникальная. Она очень спокойная, с котом прекрасно уживается, точнее, не обращает на него никакого внимания. Зимой, когда холодно, кот залезает под собаку, чтобы согреться, а собака кладет голову в шкаф, чтобы не нюхать того "ужаса", что находится под ней. В смысле спокойствия пытаюсь брать с нее пример.